



НИКАКИХ
ЗАПРЕТНЫХ
ТЕМ

О Л Ь Г А

ВОЛОДАРСКАЯ

К ГАДАЛКЕ НЕ ХОДИ

Ольга Геннадьевна Володарская

К гадалке не ходи

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=249672
Рождественский детектив: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-38747-2*

Аннотация

«Антонина поднесла ко рту фужер с шампанским и приготовилась сделать глоток, но тут по квартире разнесся такой громкий крик, что она поставила бокал на столик и выбежала в прихожую, чтобы узнать, кто кричал и почему.

Как и следовало ожидать, голосила маменька. Из трех присутствующих в помещении женщин только она могла издавать столь пронзительные звуки. Две остальные были слишком интеллигентны, чтобы орать в гостях. К тому же у одной из них был ларингит, и она могла только шептать. Тогда как маменька орала...»

Ольга Володарская

К гадалке не ходи

Антонина поднесла ко рту фужер с шампанским и приготовилась сделать глоток, но тут по квартире разнесся такой громкий крик, что она поставила бокал на столик и выбежала в прихожую, чтобы узнать, кто кричал и почему.

Как и следовало ожидать, голосила маменька. Из трех присутствующих в помещении женщин только она могла издавать столь пронзительные звуки. Две остальные были слишком интеллигентны, чтобы орать в гостях. К тому же у одной из них был ларингит, и она могла только шептать. Тогда как маменька орала. И орала так, что остальные женщины зажимали уши ладонями, а находящиеся в некотором отдалении мужчины страдальчески морщились.

– Мама, прекрати! – попыталась урезонить ее Антонина. Но та голосить не перестала, зато сменила репертуар: если до этого она просто кричала «а-а-а», то теперь стала выдавать вразумительные слова:

- Укра-ал! Украл, гад!
- Что? – любопытствовали гости хором.
- Кто? – спросили мужчины и тоже в унисон.
- Бриллиант! – ответила маменька на первый вопрос, причем весьма пространно: – Фамильный бриллиант! Старинный. Чистейшей воды. Редкого цвета. Ценой в миллион дол-

ларов!

На самом деле она, как всегда, преувеличила. Бриллиант был изготовлен из алмаза, добытого на якутских приисках двадцать лет назад. В их же семье он появился и того позже: в конце девяностых. Купил его ныне покойный Тонин отец на «черном» рынке в подарок жене на золотую свадьбу. Стоил тот сравнительно недорого, поскольку был не очень чист: мало того, что сам был мутноват, так еще и попал на прилавок после какой-то темной истории. Но Тониного папу не смутило ни первое обстоятельство, ни второе, и он приобрел бриллиант, затем вставил его в золотую оправу и преподнес перстень любимой женушке. Та, естественно, пришла от подарка в неопишуемый восторг, но носить не стала. Спрятала! От греха подальше. Но при этом стоило в их доме появиться новому гостю, как матушка доставала сокровище и хвасталась им, с каждым годом прибавляя к его стоимости десятки тысяч долларов.

И вот теперь он достиг цены в миллион!

– Мама, что ты несешь? – одернула ее Тоня. – Ему красная цена – тысяч сто пятьдесят, и не долларов, а рублей!

– А по-твоему, сто пятьдесят тысяч уже не деньги! – возмутилась та. – Не знала, что библиотекари у нас сейчас столько зарабатывают, что им сам Абрамович позавидует.

– Я получаю восемь тысяч рублей, и ты это знаешь, – парировала Тоня. – Но справедливости ради должна сказать, что миллион – это совсем не та сумма...

Договорить ей не удалось – матушка прервала. Она всегда это делала, поскольку считала дочкины рассуждения слишком занудными, чтобы выслушивать их до конца.

– Бриллиант, может, миллиона и не стоит, но твоему голодранцу и тысяча рублей – деньги! – громыхнула она и из прихожей ткнула перстом в сидящего в кухне Емельяна. – И как не стыдно ему грабить честных людей в светлый праздник Рождества Христова!

– Мама! – возмущенно вскричала Тоня. – Не смей обвинять Емельяна!

– А кого еще, как не его?

– Нас тут, между прочим, восемь человек.

– Ха! Нас, может, и восемь, но голодранец только один, твой кавалер!

– Я бы предпочел, – подал голос Емельян, – чтоб вы называли меня бесребреником.

– Бесребреник, – передразнила его матушка. – Да ты уж безмедянник тогда! В твоих карманах нет ни копейки!

Матушка несколько не преувеличила. Емельян действительно был нищим. Иначе говоря, бомжом. Познакомилась с ним Антонина две недели назад, когда возвращалась домой с работы...

Трудилась она в одном не слишком преуспевающем НИИ библиотекарем. Приходила на службу к восьми, уходила в пять. Самой последней, так как была очень ответственным человеком и не могла покинуть свой «боевой пост», как

большинство служащих, за полчаса до окончания рабочего дня.

Вдруг кому-то срочно понадобится книжка, а библиотека на замке?

И вот как-то вечером Тонечка шла по утоптанной тропке меж голых лип на автобусную остановку, чтобы вернуться домой. Шла не спеша, потому что торопиться ей было не к кому – у Тонечки не было ни мужа, ни ребенка, ни даже собаки. Раньше она жила с мамой, но легкомысленная Люся (так звали мать) выскочила замуж накануне шестидесятилетия. Вернее, собрав свои вещички, переехала жить к избраннику, заявив, что законный брак нынче не в моде и все продвинутые люди, к коим она себя относилась, предпочитают гражданский. И, главное, так скоро на него решилась, что Тоня не успела ничего с этим поделаться. Вроде матушка только своего кавалера ей представила, сказав, что познакомилась с ним вчера в трамвае, а уже через пару дней переехала к нему жить.

После ее отбытия в квартире долго витал запах душно-сладких духов и какого-то отвязного авантюризма, и этот симбиоз рождал в Тониной душе неведомую доселе жажду. Хотелось сделать что-то со своей жизнью, дабы избавиться от каждодневной монотонности. Но Тонечка, естественно, свои душевные порывы притушила и продолжила привычное существование: дом, работа, работа, дом, книги, телевизор, вышивание крестом и посещение отчетных концертов

хора ветеранов, где маменька солировала.

Тоня была уже в том возрасте, который обозначается абстрактным определением «за тридцать». У нее было высшее образование, любимая работа и одна, но верная, а главное, такая же одинокая подруга Соня. Семьи, правда, не было, и это очень Антонину печалило.

О муже и детях Тоня мечтала с юности. Уже тогда она нарисовала себе идиллическую картину традиционного семейного ужина, должную олицетворять всю ее жизнь целиком: круглый стол под абажуром с кистями, на нем пузатый самовар, хохломские чашки, за столом – она, ее муж, почему-то с бородой и в полосатом халате, и детишки, количество которых варьировалось от двух до пяти в зависимости от настроения. Все радостные, краснощекие, с аппетитом уминающие Тонину стряпню, весело друг друга подкалывающие, позитивные и дружные. Она даже круглый стол купила и абажур (такие только на блошином рынке можно было найти, и она нашла). А также записалась на курсы вязания, чтоб носки супругу теплые вязать, а детям шарфики. В общем, подготовилась к замужеству, еще будучи студенткой, но годы шли, а свет заветного абажура лился только в ее воображении...

Дорожка сделала поворот. Тонечка повернула и увидела, что навстречу ей с ободранным бидоном без крышки идет какой-то человек в длиннополом пальто и кроличьей шапке. Ростом он был невелик, а пальто было пошито на мужчину рослого, поэтому его края чуть ли не волочились по сне-

гу. Тонечка была близорука, поэтому не рассмотрела лица незнакомца. А вот куда он свернул – заметила. Мужчина в ушанке сошел с тропы и побрел по неглубоким пока сугробам к теплотрассе.

Тут Тоня все поняла! Ее единственная подружка, а по совместительству напарница, Сонечка рассказывала, что неподалеку от их учреждения в траншее теплотрассы живет бомж. Причем живет неплохо, поскольку идущий от труб пар не дает ему замерзнуть. К тому же промышленная свалка, Мекка всех окрестных бездомных, находилась неподалеку.

Антонина прибавила шаг. Хотя Сонечка и говорила, что бомж-абориген существо мирное, лучше судьбу не искушать. Мало ли что взбредет в его немытую голову? Тоня почти миновала опасную тропку, как заметила, что у самого ее начала на подтаявшем снегу валяется что-то, отдаленно напоминающее кошелек. Да нет, точно кошелек! Это стало ясно, когда Антонина подобрала находку и рассмотрела. Черный кармашек с клепочкой, внутри которого хранили деньги деревенские бабушки брежневского периода. Когда Тоня потрясла его, оказалось, что в нем что-то звякает.

– Товарищ бомж! – крикнула Антонина и помахала в воздухе своей находкой. – Вернитесь, вы тут кое-что обрели!

Она подождала немного, ожидая ответа или хотя бы звука шагов, но тишину ничто не нарушило.

– Господин бомж! – сменила обращение Тоня, подумав, что тот мог обидеться на «товарища», нынче, как известно,

все господа. – Вы кошелек потеряли!

На ее вопль откликнулась только сидящая на ветке ворона. Возмущенная тем, что ее покой бесцеремонно потревожен, она негодуя закаркала.

Тоня шикнула на нее и хотела уже бросить кошелек обратно в снег, но замерла в нерешительности. Совесть подсказывала ей, что нужно вернуть имущество владельцу – вдруг в кармашке с клепочкой его последние деньги, – но осторожность не давала сделать шага в сторону теплотрассы. Об особенностях сексуальной жизни бомжей Тоня даже не догадывалась, но почему-то считала, что каждый второй из них – маньяк, а коль так, то тот, кого она сейчас хочет облагодетельствовать, может напасть на нее, невинную, и...

«Нет, лучше об этом не думать! – одернула себя Тоня. – К тому же если на мою девичью честь за столько лет никто не покушался, то с какой стати это произойдет сегодня?»

И, успокоив себя этой мыслью, Антонина шагнула на тропу.

Преодолев несколько десятков метров, она увидела обмотанные серебристой изоляцией трубы. От них шел неприятно пахнувший пар, а откуда-то сбоку тянуло мясом и пряностями.

– Господин бомж, вы обронили портмоне! – зычно крикнула Тоня, остановившись возле картонного домика, выстроенного в траншее под трубой.

Дверь жилища (она же крышка от коробки из-под теле-

визора) отъехала в сторону, и на улицу, побряхтывая, вылез уже знакомый мужчина в пальто и ушанке.

– Возьмите, – сказала Тоня и протянула кошелек владельцу.

Бомж взял его, заглянул внутрь, после чего отшвырнул.

– Но там же деньги! – возмутилась Антонина. – Зачем вы?..

– Копейки, – ответил бомж на удивление приятным голосом. – К тому же советские, давно вышедшие из употребления.

– Ну так сам кошелек бы пожалели. Куда теперь будете деньги складывать?

– У меня еще есть. – И улыбнулся, да так мило, что Тоня залюбовалась.

«А ведь он интересный мужчина, – подумала она. – И не старый еще – лет сорок пять, сорок семь. И на алкаша не похож! Такого бы отмыть, отчистить... – Но Тоня не дала развернуться фантазии, устыдившись своих мыслей, она одернула себя: – Докатилась, Антонина Сергеевна! На бомжей начала заглядываться! Вот стыдоба...»

А новый знакомец тем временем отошел в сторонку, очищая проход в свои картонные хоромы.

– Заходите, будьте гостьей.

Тоня хотела уйти, но почему-то не сделала этого, а благодарно склонила голову и шагнула в неизвестность.

Но ничего страшного не произошло. Тоня оказалась в жи-

лице с земляным полом, предметы мебели в котором заменяли кирпичи и куски пенопласта.

– Присаживайтесь, – любезно предложил хозяин, указывая на один из четырех кирпичей. Два из них были составлены вместе, а два стояли отдельно. Тоня решила, что это стол и два табурета.

Она осторожно опустилась на кирпич. По ее габаритам больше подошел бы «стол», но плюхаться на него было просто неприлично.

Мужчина же, разворошив лежащую в углу кучу мусора, вытащил из нее полиэтиленовый пакет, в котором аккуратно стопочкой были собраны всевозможные кошельки.

– Видите, сколько их у меня!

– Вы что, карманник? – ужаснулась Тоня. Одно дело у бомжа гостевать, и совсем другое – у вора.

– Обижаете, я честный гражданин. Кошельки в урнах нахожу. Люди того рода занятий, к числу которых вы меня только что причислили, выбрасывают их, предварительно опорожнив. Кстати, какой вам больше нравится?

– Я даже не знаю... Пожалуй вот этот, желтенький.

– Тогда примите его от меня в знак глубокой благодарности и безграничного восхищения.

– Нет, спасибо, не нужно, – отнекивалась Тоня, отпихивая от себя презент, чтобы не задохнуться – смердел он ужасно.

– Он пахнет, знаю, но это пройдет.

Антонина, устав сопротивляться, приняла подарок, ре-

шив выкинуть его у первой урны. Пусть другой романтик теплотрасс и подвалов порадует!

– Я сейчас угощу вас чудным ужином! – сообщил новый знакомец. – Надеюсь, вы любите чахохбили?

– Да, очень.

– Я тоже. И когда отдыхал в Сочи, узнал у повара грузинского ресторана фирменный рецепт. С тех пор готовлю.

– Вы бывали в Сочи?

– И не раз. Подождите минутку, я схожу за кастрюлей, она стоит на огне.

– А может, лучше поужинаем на воздухе? – предложила Тоня, которой было не очень комфортно сидеть на кирпиче, да и запах в «доме» стоял преотвратный. – Там не холодно...

– Как пожелаете... У меня за домом что-то вроде веранды. Вам там понравится!

То, что бомж назвал верандой, оказалось уставленным деревянными ящиками пятакком, над которым была натянута полиэтиленовая пленка. Пока Тоня усаживалась, бомж сбегал к костру и вернулся с закопченной кастрюлей в руках. Запах от нее исходил удивительный!

– Себе я наложу в миску, а вам дам одноразовую тарелку. У меня есть несколько штук.

– Надеюсь, вы нашли их не в урне?

– Нет... – Тоня облегченно выдохнула. – На свалке. – И, заметив, как вытянулось ее лицо, с улыбкой добавил: – Но

вы не волнуйтесь, они в упаковке были. Некондиция.

Он разложил чахохбили по тарелкам. Выглядела курица очень аппетитно, а Тоня ужасно хотела есть, поэтому взяла небольшой кусочек и отправила его в рот.

– Ну как? – поинтересовался шеф-повар.

– Очень вкусно. Никогда не ела такую нежную курицу...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.